

Лара Читай

КОТ В МЕШКЕ,
или Анатолия одной измены

Лара Читай

Кот в мешке, или

Анатомия одной измены

<https://litres.ru/74517123>

Аннотация

Я почти развелась с мужем из-за хомяка. Но я благодарна этому хомяку. Если бы не он, мы бы так и продолжали жить в параллельных вселенных: я — в своей вселенной подозрений, он — в своей вселенной спасения уса-тых-полосатых. ****(Я снова почувствовала эту боль в груди. Ревность. Нет, не так. Это было что-то большее, чем ревность. Обида. Обида на то, что он живёт своей насыщенной, важной жизнью, а я — в этом "декретном аду", где самые яркие события дня — это когда Миша покакал в горшок или Матвей впервые завязал шнурки. Я была второстепенным персонажем в его романе. ***** Но завтра я начинаю настоящее расследование. Завтра я стану частным детективом. Я выясню всё. Я доберусь до истины. В тексте присутствует: мама троих малышей в декрете ее любимый муж ирония романтическая комедия измена, которой не было ну и, конечно же, безудержная любовь, которая преодолет все препятствия ХЭ. Проды каждый день. ♥#Добавляйте книгу в библиотеку и подписывайтесь, чтобы не пропустить продолжение. ДРУЗЬЯ! КНИГА БЕСПЛАТНА, ПОКА ПИШЕТСЯ.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Утро вечера мудренее, или Как я стала экспертом по диким зверям	12
Глава 2. Операция "Шпион", или Как я чуть не убила мужа сковородкой	23
Глава 3. Агент 007 в декрете, или Как я завербовала собственного ребёнка	36
Глава 4. 27 звонков, или Как я похоронила мужа заживо	49
Глава 5. Подруги советуют, или Как Галка чуть не разрушила мою семью	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пролог

Я почти развелась с мужем из-за хомяка.

Знаете, что самое обидное в семейной жизни? Когда ты готова к большой драме, к трагедии шекспировского масштаба, а тебе подсовывают фарс с элементами зоопарка. Я готовилась к роли Офелии, а сыграла клоунессу в цирке Шапито. И всё из-за проклятого хомяка.

Но давайте по порядку. Меня зовут Кира. Мне тридцать два года. Когда-то, в прошлой жизни, я была стройной фитнес-тренершей с точеной фигурой, сотнями подписчиков в социальных сетях и умением делать планку пять минут, болтая о высоких материях. Теперь я мама троих детей в декретном отпуске, который длится уже пять лет, и моя главная физическая нагрузка — это поймать младшего, пока он не засунул в розетку вилку, и одновременно успеть вытереть соплю среднему, который решил, что обои — это отличный перекус.

Я люблю своих детей. Безумно. До скрежета зубовного. До боли в висках. Но иногда мне кажется, что я растворяюсь в них, как кусочек сахара в чае. Остаётся только сладкий привкус, а самой меня — нет. И есть только бесконечный круговорот: каши, подгузники, мультики, истерики, прогулки, снова каши, снова подгузники. Дни сливаются в одну бесконечную серую субстанцию, которую можно назвать только

одним словом — "декрет".

А ещё у меня есть муж. Антон. Ему тридцать четыре года. Он ветеринарный врач, владелец сети клиник "Белый клык". Он добрый. Он гениальный. Он любит свою работу так, как я, наверное, не любила никого, кроме собственных детей. И это стало нашей проблемой.

Я не знаю, когда это началось. Наверное, когда родился Матвей, наш средний. Антон тогда как раз открывал второй филиал клиники. Он приходил домой в три часа ночи, пахнувший антисептиком и собачьей шерстью. Он целовал меня в лоб, бормотал: "Кирюша, я так устал, но спас лабрадора с заворотом кишок", — и падал на подушку, даже не сняв носки. Я лежала рядом с грудным ребёнком, смотрела в потолок и думала: "А кто спасёт меня?".

Но я не злилась. По-настоящему. Потому что я видела его глаза, когда он рассказывал про спасённых животных. В них горел такой огонь, что мне становилось стыдно за свою ревность. За то, что я, его жена, мать его детей, завидую какому-то бездомному коту, которому он сделал операцию. Глупо, правда?

Однако глупость имеет свойство разрастаться. Как снежный ком. Как опухоль, которую Антон так успешно удаляет у собак. Только моя опухоль называется "подозрение", и она метастазировала во все сферы нашей жизни.

Всё началось с мелочей. Он перестал замечать мою новую стрижку. Он забывал про годовщину нашей свадьбы. Он от-

вечал на мои вопросы о том, как прошёл день, односложно: "Нормально", "Устал", "Кормили? Спали?". При этом я слышала, как он по часу обсуждает по телефону рацион кормления какой-нибудь таксы или график вакцинации попугая. Он мог запомнить, когда у кота клиента день рождения, но забывал, когда у его собственного сына выпускной в садике.

И тут в нашей жизни появилась ОНА. Алина.

Красивая, стройная, с длинными ногами и умными глазами. Новый ветврач в клинике Антона. Дипломированный специалист по экзотическим животным. Она пришла к ним полгода назад, и с этого момента моя жизнь превратилась в триллер с элементами детектива.

Сначала я просто видела её фотографии на сайте клиники. Она стояла рядом с Антоном на фоне рентгеновского снимка, оба в белых халатах, такие серьёзные, такие увлечённые. Я увеличивала фото, рассматривала расстояние между ними. Достаточно ли оно для делового общения? Или это уже что-то большее? Я искала намёки. Кольца на её пальце не было. Я проверила. Дважды.

Потом начались странные совпадения. Антон стал задерживаться на работе чаще обычного. Он говорил: "Сложный случай", "Срочная операция", "У игуаны перелом". Я не верила. Я думала: "Какая игуана? В нашем городе игуаны водятся только в зоопарке!". Хотя нет, водятся, он мне потом показал фото. Но тогда мне казалось, что это шифр. "Игуана" — на самом деле означало "Алина".

Однажды я нашла в его кармане чек из ювелирного салона. Дорогой чек. Я чуть не разрыдалась от счастья. Думала, что он готовит мне сюрприз на нашу годовщину. Я ходила с загадочной улыбкой целую неделю, ждала, когда он подарит мне эти серёжки, которые я высмотрела в витрине. Не дождалась. Он забыл их отдать, потому что завертелся с каким-то очередным "сложным случаем". Я нашла их потом в его бардачке. И знаете, что я почувствовала? Не радость. Я подумала: "А что, если это не мне?".

Это был переломный момент.

С этого дня я включила режим "Большой брат". Я проверяла его телефон, когда он был в душе. Я читала переписки с Алиной и видела там фразы, которые вырывали мне сердце: "Ты гениально это сделал", "Пришли ещё фото", "Я так хочу тебя увидеть". Я перечитывала их по десять раз, додумывая контекст. Я не видела, что речь идёт о рентгене и результатах анализов. Я видела только страсть.

Мои подруги, такие же измученные декретом женщины, подливали масло в огонь. Галка, моя лучшая подруга, говорила: "Кир, ну ты что, все мужики козлы. Мой вот тоже в командировку уехал, а я в его сумке нашла губную помаду. Ну не мою же!". Я кивала, соглашалась и казнила мужа заочно сто раз на дню.

Я перестала его пускать в постель. Сначала в шутку, потом в серьёз. Он ложился на диван, вздыхал и говорил: "Я тебя люблю". А я думала: "Если любишь, то почему твоя любовь

такая неудобная для меня?".

Я хотела кричать. Хотела бить посуду. Хотела уйти, хлопнув дверью, и чтобы он бежал за мной по улице и кричал: "Кира, вернись, я всё понял!". Но он не бежал. Он продолжал спасать кошек, собак, попугаев и хомяков. А я продолжала тонуть в своей ревности, как в болоте.

Самое смешное (или самое грустное, не знаю), что я никогда не была ревнивой. До замужества. До детей. До всего этого. Я была уверенной в себе, успешной, самодостаточной. А потом я стала "мамой в декрете", и моя самооценка упала куда-то в район плинтуса. Мне казалось, что я больше не интересна ему. Что я — только функция. Домохозяйка. Няня. Повар. Уборщица. А Алина — это что-то новое, свежее, не испорченное грудным вскармливанием и бессонными ночами.

Я ненавидела её. Потом я ненавидела себя за эту ненависть. А потом я просто устала.

И вот тогда, в самый пик этого безумия, я села и решила написать свою историю. Историю о том, как я собиралась развестись с мужем. О том, как собирала вещи. О том, как уже мысленно делила квартиру, детей и мебель. Но жизнь — странная штука. Она любит подкидывать сюрпризы, когда ты меньше всего их ждёшь.

Оказалось, что я почти разрушила семью из-за того, чего не было. Не существовало. Совсем.

Измена была. Но не та, о которой я думала. Изменял мне

не Антон. Я изменяла себе. Своему доверию. Своей любви. Своему здравому смыслу. Я позволила страху и скуке взять верх над нашими тёплыми отношениями.

В этой истории есть всё: смешное и грустное, абсурдное и трогательное. Будут операции на животных, детские истерики в супермаркете, подозрения, скандалы, слёзы. И даже один хомяк, который чуть не поставил крест на нашем браке.

Но это не детектив и не трагедия. Это комедия ошибок. Это история о том, как двое любящих людей чуть не потеряли друг друга из-за того, что разучились разговаривать. И о том, что иногда, чтобы спасти семью, нужно просто... выключить телефон, убрать подальше его и посмотреть на мужа не глазами ревливой дуры, а глазами той самой девчонки, с которой он когда-то пошёл в ЗАГС с дрожащими руками и счастливой улыбкой.

И знаете, я благодарна этому хомяку. Если бы не он, мы бы так и продолжали жить в параллельных вселенных: я — в своей вселенной подозрений, он — в своей вселенной спасения усатых-полосатых.

В общем, устраивайтесь поудобнее. Я расскажу вам всё. Как я едва не разрушила всё, что строила десять лет, и как мы собирали наше счастье по кусочкам.

Спойлер: хэппи-энд будет. Но путь к нему — тот ещё квест. Надеюсь, вам понравится.

С любовью и иронией,

Кира, которая больше не ревнует к хомякам.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

КНИГА ПИШЕТСЯ В РАМКАХ ЛИТМОБА

<https://litnet.com/shrt/PAII>

**ЗАЯВЛЕНИЕ
О РАСТОРЖЕНИИ
БРАКА**

Глава 1. Утро вечера мудренее, или Как я стала экспертом по диким зверям

Всё началось в обычный вторник. В нашей семье не бывает необычных вторников — они все на одно лицо, как близнецы. Только близнецы хотя бы милые, а эти вторники — нет. Они серые, липкие и пахнут перегоревшей кашей.

Я открыла глаза ровно в 6:47. Без будильника. Организм матери троих детей — это совершенный механизм выживания, который настраивается на детский плач за три секунды до того, как он начнётся. Я как та собака Павлова, только вместо слюны — адреналин и чувство вины.

Справа от меня, на моей подушке, спал Антон. Его лицо было безмятежным, как у младенца. Рука свесилась с кровати, пальцы чуть подрагивали — наверное, во сне он оперировал кого-то. Или делал УЗИ. Или просто ловил за хвост ту самую игуану, которая стала яблоком раздора в наших отношениях.

Я посмотрела на него и в который раз поймала себя на мысли: "Как можно так сладко спать, когда вокруг такой хаос?". Он спал, а я лежала и слушала тишину. Страшную, предгрозовую тишину, которая обычно предшествует пробуждению младшего. Это как затишье перед бурей. Знаешь,

что она будет, но не знаешь, с какой стороны она ударит.

Буря ударила с двух сторон одновременно.

Сначала заорал Миша. Ему восемь месяцев, и его крик — это не просто крик, это сирена воздушной тревоги, объявляющая о том, что мир несправедлив, а животик болит, а мама не пришла вовремя. Миша — самый требовательный из моих детей. Он не умеет ждать. Он требует всего и сразу, и его требования всегда звучат на максимальной громкости.

Вторым эшелonom включился Матвей. Три года, полный энтузиазма и разрушительной энергии. Он не кричал, он топал ногами по кровати (своей, в соседней комнате) и орал: "МА-МА! Я ХОЧУ МУЛЬТИКИ! СЕЙЧАС!".

Третьей, как всегда, была Лиза. Пять лет, копия Антона. Она не орала, она встала и пришла к нам в спальню с серьёзным лицом. Она стояла в дверях, держа в руках дохлого майского жука (зачем? откуда? и почему он был дохлым в 7 утра?), и сказала:

— Мам, а почему у майского жука нет сердца?

Я открыла рот, чтобы ответить, но из комнаты Миши донёсся звук, который заставил меня подскочить с кровати со скоростью гепарда. Звук — это был характерный стук игрушечной погремушки об пол, а потом — затишье. Всё. Я уже знала, что это значит: Миша перевернулся, скинул погремушку и теперь пытается выбраться из кроватки. Ещё минута — и он рухнет вниз.

— Пап, а у жука есть мозг? — продолжала допрос Лиза,

пока я, как заправский боец спецназа, перелетала через кровать, сбивая по пути Антона локтем.

Антон открыл один глаз.

— Кирюш, ну что ты как угорелая... — пробормотал он сонным голосом, даже не осознавая, что мир рушится.

— Лиза, отойди от жука, — сказала я на ходу, влетая в детскую.

Миша стоял на четвереньках, довольный собой, и сжимал в кулачке свою погремушку. Он улыбнулся мне своей беззубой улыбкой, в которой было столько счастья, что я чуть не расплакалась. Но у меня не было времени плакать — надо было спасти мир.

Я схватила Мишу, перекинула его через плечо, на ходу перехватила его за ногу, чтобы он не выскользнул, и понесла на кухню. По пути меня догнал Матвей.

— Ма-а-а-м, ну когда мультики? Я хочу "Троллей"!

— Матвей, мультики будут после завтрака, — сказала я на автомате.

— НЕТ! СЕЙЧАС!

— После завтрака, я сказала! — мой голос сорвался на визг, и я сама испугалась этого звука.

Я поставила Мишу в стульчик для кормления. Он сразу начал бить ладошками по столу. Это означало: "Еда! Немедленно! Я голоден!". Матвей обхватил мою ногу и повис на ней, как коала на дереве. Лиза пришла на кухню и снова протянула мне того самого майского жука.

— Мам, а можно мы его оживим?

— Лиза, — сказала я, пытаюсь одновременно налить кашу в тарелку и не уронить младенца, — он мёртвый.

— А папа умеет оживлять. Он вчера собачку оживил. Помнишь, она дышала, а потом не дышала, а папа сделал "тыц-тыц" и она опять задышала. Мам, он же волшебник!

— Папа ветеринар, Лиза. А не волшебник. И майские жуки... ну, они не в его компетенции.

— Жуки — тоже животные, — серьёзно заметила дочь.

В этот момент в кухню вошёл Антон. Он был в трусах и майке, лохматый, с подушкой на голове. Он зевнул и посмотрел на меня таким счастливым взглядом, что я едва не забыла, что злюсь на него за вчерашнее.

"А за что я на него злюсь?" — мелькнула мысль.

А, вспомнила. Вчера он опять пришёл в полночь. Я ждала его с ужином, который уже трижды разогревала в микроволновке. Он пришёл, поцеловал меня, сказал: "Прости, Кириуш, сложный случай", — и ушёл в душ. Я уснула, так и не дождавшись разговора. И сегодня, глядя на его сонную морду, я снова ощутила этот колючий ком в груди.

— Доброе утро, — сказал он и подошёл к Мише. — Привет, мелкий! Как спал?

Миша заулыбался и протянул к нему ручки. Антон взял его на руки, и младший сразу успокоился. Как же это действовало мне на нервы! Я тут бьюсь как рыба об лёд, а он берёт на руки, и всё — тишина, покой, идиллия.

— Доброе утро, — ответила я сухо и отвернулась к плите.

— Кир, что-то случилось? — спросил он, чувствуя мою холодность.

— Ничего. Всё хорошо. Ты иди собирайся, я детей покормлю.

— Ма-а-а-м, ну когда мультики! — снова заныл Матвей.

— Я сказала — после завтрака!

— А я хочу сейчас!

— Матвей, если ты сейчас же не сядешь за стол, ты не увидишь мультиков вообще никогда в жизни! — рявкнула я, и Матвей испуганно затих.

Антон посмотрел на меня с укором. И этот взгляд добил меня окончательно. Я уже не просто злилась — я кипела. Я была той самой скороваркой, у которой вот-вот сорвёт крышку.

— Кира, он ребёнок, — тихо сказал Антон. — Не надо так на него кричать.

— А ты мне не указывай, как воспитывать детей, если ты их видишь только по утрам! — выпалила я.

Тишина повисла в воздухе, тяжёлая и липкая, как тот самый кисель, который я вчера сварила и который никто не стал есть. Лиза переводила взгляд с папы на маму, Матвей застыл с открытым ртом, Миша перестал стучать ладошками и настороженно смотрел на нас.

Антон вздохнул. Он поставил Мишу обратно в стульчик, подошёл ко мне и положил руку на плечо.

— Кирюш, я не хочу ссориться. Я тебя люблю. Просто... дай мне пять минут, ладно?

Я не ответила. Я отвернулась и начала яростно мешать кашу, как будто от этого зависела моя жизнь. Антон вздохнул ещё раз и вышел из кухни.

Я слышала, как он зашёл в ванную, как включил воду. Я представила, как он стоит там, намыливает голову и думает о своих операциях. О своих спасённых животных. О своих ветеринарных проблемах. А о нас? Обо мне? О Мише, Матвее и Лизе? У него есть для нас время в этом графике?

Я снова почувствовала эту боль в груди. Ревность. Нет, не так. Это было что-то большее, чем ревность. Обида. Обида на то, что он живёт своей насыщенной, важной жизнью, а я — в этом "декретном аду", где самые яркие события дня — это когда Миша покакал в горшок или Матвей впервые завязал шнурки.

Я была второстепенным персонажем в его романе. Или даже не персонажем, а фоном. И мне это чертовски не нравилось.

На кухню ворвался Матвей и потянул меня за футболку.

— Ма-а-а-м! Ну мультики!

— Хорошо, — сказала я устало. — Я сейчас включу тебе мультики. Просто посиди тихо.

Я включила ему "Троллей" на планшете. Он тут же уселся на пол, уставившись в экран, и мир вокруг него перестал существовать. Лиза примостилась рядом, прижимая к себе

мёртвого жука, и тихо спросила:

— Мам, а папа сегодня придёт рано?

— Не знаю, Лиза, — ответила я и налила Мише кашу. —

Папа всегда приходит поздно.

— А когда мы будем вместе? Ну, все вместе? Как в кино?

Вопрос дочери вонзился в моё сердце острой иглой. Да, Господи, когда же мы будем вместе? Когда? В прошлую субботу мы собрались в парк, и Антон уехал на вызов через час. В воскресенье он обещал поехать в зоопарк, но ему позвонил клиент с умирающей кошкой. Мы остались дома. Опять.

— Скоро, — солгала я. — Мы обязательно будем вместе.

Антон вышел из ванной. Волосы ещё мокрые. Он взял на кухне бутерброд, который я для него оставила (я всё равно оставляла, даже когда злилась, потому что дура-дурой, но люблю его), сунул его в рот, на ходу поцеловал Мишу в макушку, потрепал Матвея по голове, чмокнул Лизу в щёку и посмотрел на меня.

— Кир, я заеду в магазин вечером. Что купить?

— Ничего не надо, — сухо ответила я.

— Кирюш...

— Я сказала, ничего не надо.

Антон подошёл ко мне, взял за руку и посмотрел в глаза. Его взгляд был честным, открытым, уставшим. И я снова поймала себя на мысли: "Вот он, мой муж. Я люблю его. Я безумно люблю его. Но почему же нам так сложно?"

— Я тебя очень люблю, — сказал он шепотом, чтобы дети

не слышали. — И знаешь, что? Давай в пятницу вечером, когда дети уснут, я закажу тебе салат "Цезарь" и мы просто посидим, поговорим. Только ты и я. Договорились?

Я хотела сказать: "Ага, как же, в пятницу, ты опять на работе до полуночи". Но слова застряли в горле. Я посмотрела на него — на его уставшее лицо с синяками под глазами, на его добрую улыбку — и сдалась.

— Договорились, — сказала я тихо.

— Отлично! — он просиял. — Тогда я побежал. Сегодня операция у носорога. Нет, серьёзно. Носорог. В зоопарке.

— Боже, Антон, ты серьёзно? Носорог? — я даже забыла на секунду о своей обиде.

— Серьёзней некуда. Кусок арматуры проглотил. Представляешь?

— Нет, не представляю, — честно призналась я. — Но удачи тебе. Спаси своего носорога.

— Я спасу! — он подмигнул мне, ещё раз поцеловал и вылетел за дверь, оставив после себя запах свежести, кофе и антисептика.

Хлопнула входная дверь. Я осталась одна с тремя детьми, недоеденной кашей и чувством, что мир рушится.

— Мам, — сказала Лиза, когда папа ушёл, — а носорог — это большой?

— Больше папы, — вздохнула я.

— А папа его вылечит?

— Папа вылечит всех, — сказала я, но в голосе моём не

было уверенности. — Папа у нас волшебник.

"Только вот моё сердце он вылечить не может", — подумала я, глядя в закрытую дверь.

И в этот момент мой телефон пикинул уведомлением. Я взяла его и увидела новое фото на сайте клиники "Белый клык". Антон стоял рядом с Алиной (как же меня бесило это имя!). Они оба были в хирургических масках, но по глазам было видно, что они улыбаются. Подпись гласила: "Готовимся к уникальной операции! Наша команда — лучшая! Спасибо Алине за помощь!"

Я смотрела на эту фотографию, и внутри меня закипала лава. Он сказал, что у него носорог. А на фото — он и она. Где носорог? Где операция? Зачем она там, если у него самый сложный случай?

Я увеличила картинку. Рассмотрела каждый пиксель. Мне казалось, что если я всмотрюсь достаточно долго, то увижу правду. Тайный смысл. Искры между ними.

— Мам, — снова позвала Лиза, — а у жука есть папа?

— Лиза, отстань, — отрезала я, не отрываясь от телефона.

Я взяла себя в руки, глубоко вздохнула и убрала телефон в карман. Нет, я не буду сегодня думать об этом. Не буду. Я — хорошая мать. Я — жена, которая верит своему мужу. Я — взрослый человек.

— Мам, — снова сказала Лиза, — у жука есть сердце? Я хочу знать!

Я опустила голову и посмотрела на мёртвого майского жу-

ка в её руках. А потом на Мишу, который размазал кашу по всей тарелке и теперь радостно хлопал в ладошки. Потом на Матвея, который уже уронил планшет и теперь орал: "Он выключился! Включи!".

А потом я засмеялась. Громко, истерически, почти безумно.

"Кира, — сказала я себе, — у тебя нет времени на подозрения. У тебя есть время только на то, чтобы выжить до вечера. А вечером... вечером будет новый вторник".

И я пошла спасать этот мир. Снова. Без халата, без диплома, без медицинских инструментов. Только с бесконечной любовью и таким же бесконечным чувством, что я схожу с ума.

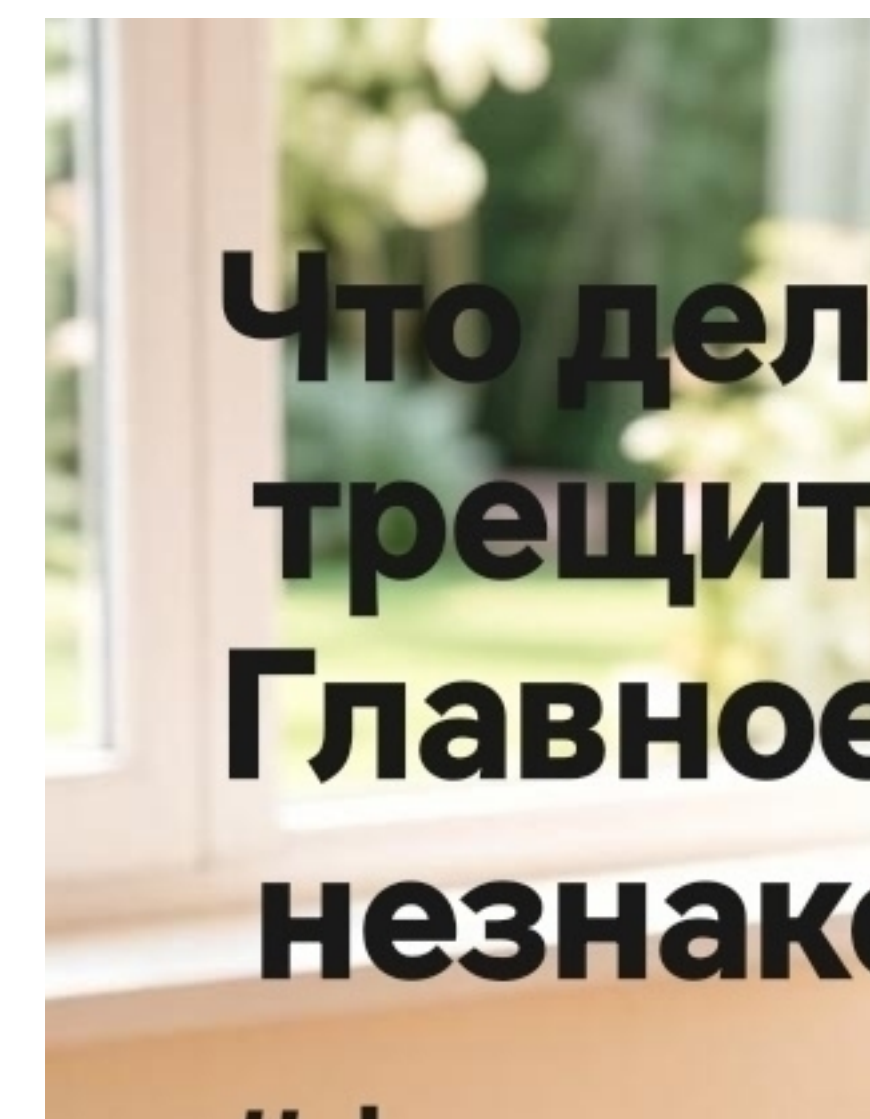
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Хочу представить вам новинку нашего литмоба от Алена Иванова

<https://litnet.com/shrt/4Nvm>

Развод. Альфонсу здесь не место!

<https://litnet.com/shrt/sDSt>

**Что дел
трещит
Главное
незнак**

Глава 2. Операция "Шпион", или Как я чуть не убила мужа сковородкой

Итак, Антон уехал спасать носорога. Я осталась одна с тремя детьми, мёртвым майским жуком в руках дочери и чувством, что я — главная героиня плохого фильма, где вместо любовной интриги — сплошная каша и подгузники.

Но в этот раз я решила не сдаваться. Нет. Хватит! Я же не просто так десять лет в браке. Я научилась читать мужа, как открытую книгу. Правда, иногда мне кажется, что эту книгу написали на китайском языке и перевели через гугл-транслейт. Но я справлюсь!

Первым делом я накормила детей. Это был квест на выживание. Миша отказывался есть кашу, потому что она была не той консистенции. Матвей требовал только макароны в виде звёздочек, а не ракушек. Лиза вела допросы о строении майского жука, и мне пришлось импровизировать:

— Лиз, слушай. У жука есть сердце. Маленькое-маленькое, как рисинка. Но оно работает. Просто не так, как у нас. Оно... ну... качает гемолимфу.

— Что такое гемолимфа?

— Это такая жуковая кровь, — сказала я, мысленно благодаря Антона за все его ветеринарные лекции, которые я

слушала вполуха, пока кормила грудью.

— А у папы есть гемолимфа?

— У папы обычная кровь, — вздохнула я. — Красная. Как у всех.

Лиза задумалась, потом торжественно объявила:

— Я хочу быть ветеринаром. Как папа.

— Конечно, дочка, — сказала я, вытирая слюни Миши.
— Ты будешь кем угодно. Вот только сначала научись завязывать шнурки.

Когда я наконец усадила всех за стол, у меня было десять минут на то, чтобы выпить чай. Десять минут тишины. Я села на кухне с кружкой, вдохнула аромат зелёного чая, закрыла глаза...

И тут мой телефон завибрировал.

Я взяла его и снова увидела уведомление. Клиника "Белый клык" выложила видео. Я открыла. Там был Антон. Он стоял возле операционного стола, держал в руках здоровенную трубку, похожую на эндоскоп, и улыбался. Рядом с ним стояла Алина. Она поправляла ему маску. Не на себе — на нём. Поправляла. Своими длинными пальцами с идеальным маникюром, который я не могла позволить себе уже два года, потому что мы тратим все деньги на памперсы и развивашки.

Я почувствовала, как чай стал горьким.

— Вот же, — прошептала я, глядя на этот жест. — Зачем она трогает его маску? У него что, руки не из того места растут? Он что, сам не может поправить?

Я увеличила сторис до максимума. Рассмотрела каждый пиксель. Я пыталась увидеть в его глазах то самое — смущение, трепет, огонь страсти. Ничего. Только усталость и сосредоточенность. Но я знала — женщины видят то, что хотят видеть. А я хотела видеть измену.

Почему? Сама не знаю. Наверное, потому что, если бы он изменял, это было бы объяснение. Это был бы ответ на вопрос: "Почему я чувствую себя одинокой?". Если бы он нашёл кого-то, я бы могла сказать: "А, вот оно что! Я ему просто надоела. Он нашёл молодую, красивую, без целлюлита и без трёх детей, которые висят на ногах как гири". Это было бы оправданием моей боли. А так — я просто страдаю без причины. И это хуже всего.

Но я же не была бы женщиной, если бы не включила режим "Шпион".

— Лиза, — сказала я, голосом, который не предвещал ничего хорошего, — пригляди за братьями. Мне нужно... в туалет.

— Мам, ты уже была в туалете, — сказала Лиза.

— Я ещё раз схожу, — соврала я. — У меня... ну, живот.

Сама побежала в спальню, закрыла дверь и начала свою секретную операцию. План был простой: проверить всё, что связано с Алиной. Я открыла ноутбук, зашла на страницу Антона в соцсети. Да, я знала пароль. День нашей свадьбы. Он бы удивился, что я помню, но я помню всё. Даже то, что он любит есть бутерброды с маслом и сыром, но не с колба-

сой, а я всё равно покупаю колбасу, потому что так дешевле.

Я зашла в его переписку с Алиной. Сердце колотилось, как бешеное. Пальцы дрожали. Я листала сообщения вверх, вверх, вверх.

"Алина, доброе утро. Подготовь документы на игуану".

"Ок, Антон. Уже готово".

"Отлично. Как там попугай?"

"Оживает! Ты гений".

"Оперируем завтра в 10".

"Приду. Спасибо".

Всё. Сухо. Официально. Скучно. Никаких смайликов, никаких сердечек. Никаких "ты сегодня прекрасно выглядишь". Ничего. Я чувствовала себя полной идиоткой.

Но я не сдавалась. Я полезла в его галерею. Там были фотографии детей, животных, каких-то рентгеновских снимков. И вдруг я увидела фото. Антон и Алина. Они стоят у здания клиники. Антон держит букет. Огромный букет. С белыми розами. И дарит его ей.

Боже мой.

Внутри меня всё оборвалось. Он дарит ей цветы. Ей. А мне он дарил цветы последний раз... когда? На восьмое марта? И то, это был какой-то чахлый букетик из супермаркета, который он купил на заправке, потому что забыл купить.

Я решила посмотреть дальше и всмотрелась в фото. Букет. Белые розы. Он. Она. И улыбка на его лице. Такая же тёплая, как та, что он дарит мне, когда целует на ночь. Я по-

чувствовала, как внутри меня поднимается волна гнева.

— Ну всё, — прошипела я. — Теперь я знаю.

В этот момент в дверь постучала Лиза.

— Мам, у Миши снова какашечки.

— Иду! — крикнула я.

Я вышла с таким лицом, будто только что совершила убийство. Впрочем, я и совершила — убила свою самооценку, которая и так еле держалась на плаву. Я переодела Мишу, успокоила Матвея, который уронил планшет и требовал новый, и начала готовить обед.

Но мысли не давали покоя.

"Он дарит ей цветы. А мне — нет. Он улыбается ей. А мне — только когда я прошу. Он говорит: "Ты гений". А мне — "Ты устала, поспи"."

Я резала морковь и представляла, что это лицо Алины. Нож так и ходил по разделочной доске: вжик-вжик-вжик.

— Только попробуй, — шептала я, нарезаю морковь крупными кусками, — только попробуй мне изменить...

— Мам, — сказал Матвей, глядя на меня широкими глазами. — Мам, ты с кем разговариваешь?

— С морковью, — ответила я. — Она у меня... грустная.

— Грустная морковь, — повторил Матвей и засмеялся. — Ты смешная, мама!

— Да, я такая, — улыбнулась я сквозь зубы.

Я поставила суп вариться, усадила всех за стол, дала каждому по тарелке и села напротив. Я смотрела на детей и ду-

мала: "А что я делаю? Я собираюсь разрушить семью из-за букета? Ну, подумаешь, подарил коллеге цветы на день рождения или на восьмое марта. Может, у неё день рождения?"

Я полезла в телефон и загуглила "Алина Ветврач". Нашла её страницу. И там, в заметках, было: "30 октября — день рождения". Сегодня было 29 октября. Наверное, он готовил подарок завтра.

— Идиотка, — сказала я себе вслух. — Идиотка. Ты готова убить мужа из-за того, что он поздравил коллегу с днём рождения на день раньше.

Но рациональные мысли боролись с гормонами и усталостью. И гормоны побеждали с разгромным счётом.

Я решила действовать. Радикально. Я надела джинсы (ура, налезли!), футболку (слава богу, без пятен), собрала волосы в пучок, накрасила губы старой помадой, которую нашла на дне косметички, и объявила:

— Дети, мы едем к папе!

— Ура! — заорал Матвей. — К папе!

— В зоопарк? — уточнила Лиза.

— В ветеринарную клинику, — сказала я. — Будем смотреть, как папа спасает... носорога.

— А у носорога есть сердце? — спросила Лиза.

— Есть. Огромное. Больше, чем у всех нас. — Я снова мысленно поблагодарила Антона за все его рассказы.

Через сорок минут сбора, поисков пропавшей соски, переодевания Миши, который умудрился измазаться в супе, и

поисков Матвеевых кроссовок, мы вышли из дома. Я загрузила всех в машину, пристегнула, пересчитала (раз, два, три — все на месте) и поехала в клинику.

По пути я репетировала свою речь.

"Антон, ты мне объяснишь, что это за букет? Кто тебе сказал дарить ей цветы? И почему ты мне не даришь?"

Нет, слишком агрессивно.

"Антон, я видела фото. Мне больно. Объяснись, пожалуйста".

Слишком жалобно.

"Антон, я тебя убью".

Вот это лучше.

Я припарковалась у клиники "Белый клык". Это было красивое здание с большой вывеской и нарисованным белым волком. Антон гордился своей клиникой. И я гордилась. Когда-то. Пока она не стала его второй женой.

Я взяла Мишу на руки, за руку повела Матвея, Лизу взяла за другую, и мы вошли внутрь.

В клинике пахло антисептиком, лекарствами и собаками. За стойкой сидела администратор Марина, которую я знала сто лет. Она была в очках и с вечно уставшим лицом.

— Кира? — удивилась она. — Антон не говорил, что вы придёте.

— Сюрприз, — улыбнулась я фальшиво. — Где он?

— В операционной. Там... ну, сложный случай.

— Носорог? — спросила я.

— Носорог? — переспросила Марина и заморгала. — А, ну да. Носорог. Он самый. В зоопарке. Мы его к нам привезли. Крупный мальчик.

Я почувствовала, что Марина что-то недоговаривает. Она говорила слишком быстро, слишком нервно. Я — мать троих детей, я за версту чую ложь.

— Марина, — сказала я, глядя ей прямо в глаза, — я хочу увидеть мужа.

— Он в операционной, вам туда нельзя.

— Я не войду. Я просто посмотрю в окошко. Где там у вас окошко?

— Но там сейчас...

— Марина, — перебила я, — я сегодня не в настроении шутить.

Марина вздохнула и показала на дверь в конце коридора.

— Там. Второй этаж. Но вы ничего не увидите.

— Увижу, — сказала я.

Я поднялась на второй этаж, держа Мишу на руках, а Матвей и Лиза бежали за мной, как два маленьких хвоста. Я подошла к стеклянной двери, за которой была операционная, и выглянула в маленькое окошко.

И увидела...

Антон.

Он стоял у стола, в хирургической маске, с инструментом в руках. Он был сосредоточен, серьёзен, пот капал с его лба. Он оперировал. Операция была сложная. Я видела это по его

глазам.

Рядом с ним стояла Алина. Она подавала ему инструменты. Она была собрана, красива, профессиональна. Они работали как единое целое, как отлаженный механизм.

И в этот момент что-то щёлкнуло в моей голове. Я смотрела на них и видела не измену, а работу. Сложную, опасную, тяжёлую работу. Я видела, как Антон спасает жизнь. Как он делает то, что умеет лучше всего. И это завораживало.

Но обида снова взяла своё.

— Носорог, говоришь, — прошептала я, глядя на его сосредоточенное лицо. — А где носорог, Антон?

Я оглядела операционную. Никакого носорога. Там был стол, и на столе лежал... большой чёрный кот.

Носорог? Серьёзно? Он назвал кота носорогом, чтобы я не волновалась? Чтобы я не думала, что он проводит время с Алиной, а не с животным? Но кот — это не носорог. Кот — это кот. И в этом была моя главная боль. Он врал мне. Даже в мелочах. Врал.

Я стояла и смотрела на них, и слёзы подступали к глазам. Матвей толкнул меня под руку:

— Мам, а где папа?

— Там, — сказала я, кивая на дверь. — Видишь?

— А что он делает?

— Он спасает... — я замаялась. — Носорога.

— Носорога? — переспросила Лиза, заглядывая в окошко. — А почему он такой маленький?

— Потому что это детёныш, — сказала я устало.

— Но он похож на кота, — заметила Лиза.

— Это особый вид носорога. Горный. Такой...

Я уже не знала, что врать дальше. Всё было плохо. Всё было очень плохо. Я развернулась и пошла к выходу, уводя детей.

— Мам, мы не будем ждать папу? — спросил Матвей.

— Нет, — сказала я. — Папа занят. Папа очень занят. У него... носорог.

Я загрузила детей в машину, села за руль и разрыдалась. Миша заорал, Матвей заплакал, Лиза смотрела на меня большими глазами и молчала.

— Мам, ты чего? — спросила она.

— Я просто... устала, — сказала я, вытирая слёзы. — Очень устала.

Я поехала домой, слушая крики детей и чувствуя, как внутри меня всё рушится. Я знала, что Антон не изменяет мне. Я знала, что он хороший муж и отец. Но я не понимала, почему он так далеко от меня. Почему его мир — это клиника, операции, Алина, а мой мир — это подгузники, каши и вечная усталость.

Мы живём рядом, но в разных вселенных.

Дома я уложила детей спать, сама легла на диван и уставилась в потолок. У меня было ощущение, что я нахожусь внутри аквариума. Я вижу мир, но не могу до него дотронуться. Я слышу голоса, но не могу понять слова.

Телефон снова пиликнул. Я взяла его. Сообщение от Антона:

"Кирюш, прости. Носорог оказался сложнее, чем я думал. Задержусь. Люблю тебя".

Я хотела ответить: "Какой носорог, Антон? Это кот! Я видела! Ты врешь мне? Почему ты врешь мне?!"

Но я набрала другое:

"Хорошо. Приходи пораньше. Целую".

И отправила.

Он не отвечал. Я смотрела на телефон и ждала. Ждала, что он скажет правду. Ждала, что он признается. Но телефон молчал.

А потом я снова открыла сайт и увидела новое видео. Там был Антон, который выходил из операционной вместе с Алиной. Они снимали маски. Он улыбался. И она улыбалась. И на его лице было столько счастья, сколько я не видела уже месяц.

Я закрыла телефон и зарылась лицом в подушку.

— Идиотка, — прошептала я в подушку. — Ты — идиотка. Ты всё придумываешь. Ты просто устала. Ты просто ревнуешь. Ты просто глупая.

Но внутри меня сидел маленький противный голосок, который шептал: "А вдруг нет? А вдруг он действительно влюблён? А вдруг ты ему надоела?"

Я сжала зубы и приняла решение. Завтра я начинаю настоящее расследование. Завтра я стану частным детективом.

Я выясню всё. Я доберусь до истины.

Но для этого я должна была вооружиться. И знаете, что я нашла в качестве оружия? Ничего. Только старая сковородка на кухне.

Я подошла к плите, взяла сковородку, посмотрела на неё и засмеялась. Наверное, я схожу с ума.

— Антон, — сказала я сковородке, — если я узнаю, что ты мне изменяешь, я тебя ею убью.

И в этот момент в коридоре зазвенел ключ. Дверь открылась. Вошёл Антон.

Он посмотрел на меня, стоящую с поднятой сковородкой, и замер.

— Кира? — сказал он с недоумением. — Ты... что делаешь?

— Ничего, — сказала я, убирая сковородку за спину. — Готовлю ужин.

— Ужин? Сковородкой?

— Это новая методика, — ответила я. — Не обращай внимания.

Антон снял куртку и подошёл ко мне.

— Кирюш, ты чего такая странная?

— Я нормальная. Я просто хочу есть.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я.

Я убрала сковородку, повернулась к нему, обняла и закрыла глаза. Запах антисептика, усталость, тёплые руки.

— Ты тоже странный, — прошептала я ему в плечо. — Ты пахнешь котом.

— Носорогом, — поправил он меня.

— Носорогом, — повторила я. — Конечно, носорогом.

Я сделала шаг назад и снова улыбнулась — той самой улыбкой, которую я приберегала для скандала. Но скандал я отложила до завтра. Потому что сегодня я слишком устала.

Но завтра, Антон, завтра всё изменится. Завтра я начну своё расследование. Я выясню, кто такая Алина, почему она поправляет тебе маску и зачем ты даришь ей цветы.

А пока... я ложусь спать.

Глава 3. Агент 007 в декрете, или Как я завербовала собственного ребёнка

Ночь прошла тревожно. Я спала со сковородкой под подушкой. Честно. Не потому, что боялась, что Антон меня ударит — он и мухи не обидит, — а потому, что это был мой талисман. Мой символ борьбы за справедливость. Если бы сковородка умела говорить, она бы сказала: «Кира, ты сильная. Ты справишься. А если нет — у меня есть широкое плоское дно, чтобы стукнуть мужа по голове».

Антон, кстати, ничего не заметил. Он пришёл, поужинал, поболтал о своём «носороге» (которого я теперь мысленно окрестила «Носорог Котович»), поцеловал меня в лоб и уснул через три минуты. Три минуты, Карл! Я, наверное, ему даже не снилась. Во сне он оперировал кого-то. Или бегал за игуанами. Или, что ещё хуже, бегал за Алиной.

Я лежала рядом и смотрела в потолок. В голове крутился план. Завтра я начинаю расследование. Настоящее. С уликами, допросами и, возможно, с использованием специальных средств. Каких — я пока не знала. Но интуиция подсказывала: нужно заручиться поддержкой местных жителей.

Местные жители — это мои дети.

Да, вы не ослышались. Я решила завербовать собственных

детей в свой шпионский отряд. Потому что кто, как не они, сможет выведать у папы все секреты? Дети — это идеальные шпионы. Они не вызывают подозрений, они задают неудобные вопросы, и им всё сходит с рук. Если я спрошу Антона: «Ты любишь Алину?», он насторожится. Если Лиза спросит: «Пап, а тётя Алина — твоя подружка?», он растеряется и скажет правду. Или, по крайней мере, что-то интересное.

Я встала в 6:30, ещё до того, как проснулся Миша. Для меня это было подвигом. Я, как тот самый супергерой, который встаёт раньше всех, чтобы спасти мир. Правда, вместо плаща у меня был старый халат с дыркой на локте, а вместо суперсилы — чашка крепкого кофе.

Я заварила кофе, села на кухне и составила план действий. Я написала на листочке:

«Операция "Разоблачение"»

Цель:* выяснить, кто такая Алина и что она значит для Антона.

Методы:*

1. Допрос детей.
2. Слежка за телефоном.
3. Внезапные визиты в клинику.
4. Проверка карманов, сумок и машины.
5. Психологическая война (надо придумать).

Я посмотрела на список и почувствовала себя героиней детективного сериала. Правда, в сериалах у героинь обычно есть помощники. У меня — трое детей, которые ещё не уме-

ют читать и писать. Но это не проблема. Я обучу их. Я сделаю из них суперагентов.

Первым на допрос вызвалась Лиза. Она проснулась раньше всех и пришла на кухню с тем самым майским жуком. Да, он всё ещё был с ней. Он, наверное, уже мумифицировался. Я решила, что это отличный повод начать разговор.

— Лиз, — сказала я, наливая ей молоко в кружку, — а ты помнишь тётю Алину?

— Которая работает с папой? — спросила Лиза, садясь за стол.

— Да. Она тебе нравится?

Лиза пожала плечами.

— Она дала мне конфету. Вкусную. С орехом.

Я насторожилась. Конфета? С орехом? Это что, подкуп? Она пытается подкупить мою дочь? Или она просто добрая? Нет, это не может быть просто доброта. Взрослые люди не дают конфет просто так. Это всегда что-то значит.

— А что ещё она делала? — спросила я, стараясь говорить спокойно. — Ну, когда вы виделись?

— Она играла с Мишей. Он смеялся.

— С Мишей? — переспросила я. — Она брала Мишу на руки?

— Да. Он обнял её и сказал «агу». А она засмеялась. Папа тоже засмеялся.

Я почувствовала, как внутри меня закипает лава. Она брала на руки МОЕГО сына! Она смеялась с МОИМ мужем!

Это уже не просто коллега, это — это — я даже не знаю, как это назвать. Это вторжение на мою территорию.

— Лиза, — сказала я, сжимая кружку так, что пальцы побелели, — а папа что говорил?

— Папа сказал, что она классная. И что он рад, что она работает с ним.

Классная. Он сказал, что она классная. Классная. Это слово теперь будет преследовать меня всю жизнь. Я представила, как он говорит это, глядя на неё, с этой своей тёплой улыбкой. С той самой улыбкой, которую я получаю только когда он просит меня не скандалить.

— Мам, — сказала Лиза, — а почему у тебя лицо красное?

— Потому что жарко, — ответила я.

— Жарко? Но у нас окно открыто.

— Мне просто... мне просто очень жарко. Пойди, одень Матвея.

Лиза ушла, и я осталась одна с мыслями. Она брала Мишу на руки. Она играла с моим сыном. Она смеялась с моим мужем. Это уже слишком. Это больше не просто подозрения. Это факты. У меня есть факты.

Я выпила кофе, успокоилась и начала собирать детей в сад. Обычное утро: крики, слёзы, потерянные носочки, каша, которая летит в стену, и мама, которая пытается не сойти с ума. Но сегодня я была не просто мамой. Сегодня я была агентом Кировой.

Когда я везла детей в садик, я решила провести допрос Матвея. Три года — это возраст, когда дети говорят правду, потому что ещё не умеют врать. Я обернулась к нему на светофоре.

— Матвей, а ты помнишь тётю Алину? — спросила я.

— Ага, — сказал он, жуя печенье.

— Она тебе нравится?

— У неё волосы красивые, — ответил он.

— А у мамы?

— У мамы тоже, — сказал он равнодушно, занятый печеньем.

Я поняла, что от трёхлетки не добьёшься большего. Волосы красивые. Это я и сама видела. У неё были длинные, густые, шоколадные волосы. У меня — вечный хвостик и седые пряди, которые появляются, когда смотришь на бюджет семьи.

Но я не сдавалась. Я отвезла детей в сад, вернулась домой и начала новый этап расследования: проверка машины. Антон уехал на своей машине, но у меня был запасной ключ. Я открыла его машину и начала осматривать салон. Как заправский детектив.

Я проверила бардачок. Там были документы, старые чеки, пара погремушек, которые он вёз в клинику для детей. Ничего подозрительного.

Я проверила заднее сиденье. Там лежал детский рюкзак, пакет с печеньками и... женский шарф. Шарф. Не мой. Мой

шарф был красный, а этот — синий, с узором.

Я взяла шарф в руки. Он пах духами. Дорогими. Цветочными. Те самые духи, которые я видела в Инстаграме Алины. Она рекламировала их месяц назад.

Я замерла. Шарф. Её шарф. В машине моего мужа.

— Антон, — прошептала я, — ты оставляешь её вещи в своей машине?

Я представила всевозможные сценарии: она ехала с ним, она забыла шарф, он не вернул, он хранит его как талисман. В моей голове это звучало как начало романа. Трагического романа о том, как муж изменяет жене с коллегой и хранит её шарф как улику своей любви.

Я сунула шарф в карман своей куртки. Улика. Вещественное доказательство. Если придётся идти к адвокату, у меня будет шарф. И показания детей.

Но внутри меня что-то ёкнуло. Что, если это просто её шарф, который она забыла в машине, когда они ездили на вызов? Что, если всё не так? Что, если я просто веду себя как параноидальная дура?

— Нет, — сказала я себе вслух. — Я не дура. Я просто осторожная. Это разные вещи.

Я закрыла машину, пошла домой и села на кухне. У меня было три часа до того, как нужно забирать детей из сада. Три часа для расследования.

Я открыла ноутбук и начала гуглить. «Алина Ветврач», «Клиника Белый клык», «Антон и Алина». Я искала любые

упоминания, любые фотографии, любые намёки на роман.

Я нашла её страницу в Инстаграме. Там были фото с животными, фото с конференций, фото с коллегами. И на некоторых из них был Антон. Они стояли рядом. Они улыбались. Они смотрели в камеру. И я чувствовала, как внутри меня растёт ком обиды.

Я прокрутила до самого низа. Там было фото, под которым Алина написала: «Спасибо, Антон, за то, что научил меня работать с экзотикой. Ты лучший наставник». Наставник. Всего лишь наставник. Но я знала, что в таких словах часто скрывается что-то большее.

Я решила написать ей. Анонимно. Я создала фейковый аккаунт и отправила ей сообщение:

«Привет! А ты работаешь с Антоном? Он классный ветврач, правда?»

Ответ пришёл через минуту:

«Да, он гениальный! Мы с ним спасаем животных вместе! Это лучшая работа в мире.»

«А вы часто вместе работаете?»

«Почти каждый день. Но это круто! У него очень крутая команда»

«А он тебе нравится?»

Я затаила дыхание. Она ответила через несколько секунд:

«Как коллега? Конечно! Он очень добрый и профессиональный. А почему ты спрашиваешь?»

Я запаниковала. Я не знала, что ответить. Я просто вышла

из аккаунта и закрыла ноутбук.

«Она не сказала, что любит его, — подумала я. — Она сказала только «как коллега». Может, я действительно всё придумала?»

Но шарф в моём кармане весил как тонна свинца. Шарф не врал. Шарф был реальным. Шарф пах духами. И это был не мой шарф.

Я решила, что мне нужен план Б. Я должна поговорить с Антоном. По-человечески. Без скандала. Без сковородки. Просто поговорить. Спросить его, что происходит. Сказать ему, что мне страшно и одиноко. Что я чувствую себя брошенной.

Но для этого мне нужно было собраться с духом.

В 12 часов я поехала забирать детей. Когда я вошла в сад, Лиза подбежала ко мне и сказала:

— Мам, а я сегодня рисовала папу!

— Молодец, — сказала я.

— Я нарисовала его с тётей Алиной!

Я замерла. Внутри меня всё оборвалось.

— Что? — переспросила я.

— Ну да, — сказала Лиза, протягивая мне рисунок. — Вот папа, а вот тётя Алина. Они держатся за руки!

Я посмотрела на рисунок. Там был нарисован Антон, а рядом — длинноволосая женщина. Они действительно держались за руки. Моя пятилетняя дочь нарисовала мужа с другой женщиной. Держащимися за руки. Это была не просто

фантазия. Это был знак. Знамение.

— Лиза, — сказала я, стараясь говорить спокойно, — а почему ты нарисовала их за руки?

— Потому что они дружат! — сказала Лиза. — Они всегда смеются вместе. Они похожи на друзей.

Я посадила детей в машину и поехала домой. По дороге я смотрела на них в зеркало заднего вида и думала: «Что я делаю? Я же разрушаю нашу семью своими подозрениями. Я же вижу то, чего нет».

Я остановила машину у дома, взяла Мишу на руки и повела всех наверх. В квартире я разложила детей по местам: Матвей — к мультикам, Лиза — к раскраскам, Миша — в манеж. И села на диван.

Я смотрела на рисунок Лизы. На нём Антон и Алина держались за руки. И вдруг я заметила деталь: рядом с ними был нарисован... носорог. Маленький, смешной, с рогом на носу.

— Лиза, — позвала я, — а это что?

— Носорог, — ответила она. — Папа спас его. Я слышала, как он говорил про носорога.

— А-а-а, — сказала я. — Носорог. Ну, конечно.

Я смотрела на рисунок и улыбалась. Сквозь зубы. Сквозь слезы. Сквозь обиду.

«Папа спас носорога, — подумала я. — Папа спас носорога, а я не могу спасти нашу семью. Наверное, я плохая жена. Наверное, я действительно его не понимаю».

Но в этот момент Миша, который сидел в манеже, начал

плакать. Я подошла к нему, взяла на руки и прижала к себе. Он пах молоком и детством. И в этом запахе было столько любви и чистоты, что я чуть не расплакалась.

— Всё хорошо, — сказала я ему. — Всё будет хорошо. Мама всё исправит.

Я села на диван с Мишей на руках и закрыла глаза. У меня был план. План, который мог бы всё исправить. Я не буду больше шпионить. Я не буду больше подозревать. Я просто поговорю с Антоном. По-человечески. Я скажу ему, что мне плохо. Я скажу ему, что я люблю его и боюсь его потерять.

И, может быть, он скажет мне правду.

Или, может быть, он скажет мне: «Кирюша, ты с ума сошла? Я работаю, я зарабатываю деньги, я люблю тебя. Что тебе ещё надо?».

И тогда я пойму, что проблема не в нём. Проблема во мне. Но это будет завтра. А сегодня я просто буду мамой.

— Мам, — сказала Лиза, подходя ко мне, — а почему ты плачешь?

— Я не плачу, — сказала я, вытирая слёзы. — Это просто... у меня глаза устали.

— А давай я тебе нарисую другую картинку? — предложила Лиза. — Где мы все вместе. Ты, папа, я, Матвей, Миша. И носорог.

— Давай, — улыбнулась я. — Нарисуй. Я повешу её на холодильник.

Лиза взяла карандаши и начала рисовать. Я смотрела на

неё и чувствовала, как внутри меня успокаивается буря. Дети — это лучшее лекарство. Они не знают, что такое ревность. Они знают только любовь.

И я решила, что я тоже должна знать только любовь. Но сначала... сначала я должна узнать правду.

Я взяла телефон и написала Антону:

«Антон, когда ты вернёшься? Нам нужно поговорить».

Он ответил через минуту:

«Сегодня поздно. Операция. Но я очень хочу с тобой поговорить. Я тоже хочу. Я люблю тебя».

«И я тебя люблю», — написала я.

И в этот момент я поняла, что всё не так плохо. Он сказал, что любит. Это важно. Это значит, что у нас есть шанс.

Я убрала телефон, подошла к Лизе и посмотрела на её рисунок.

— Мам, — сказала она, — я нарисовала носорога. Правда, похож?

— Очень похож, — сказала я. — Но, Лиз, в следующий раз, когда ты будешь рисовать папу, нарисуй его с нами. Со всеми нами. И без тёти Алины.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что мы — семья, — сказала я. — И мы — лучшие.

Я поцеловала её в макушку и пошла на кухню. Я открыла холодильник, достала продукты и начала готовить ужин. И пока я резала овощи, я думала о том, что завтра я всё узнаю.

Завтра я скажу ему всё.

А сегодня я просто буду ждать.

И я ждала. Всю ночь. До полуночи. С курицей, которая уже остыла. С чаем, который стал горьким.

— Антон, — прошептала я, — я так тебя люблю.

Я верила, что всё наладится. Верила, что мы справимся. Верила, что это просто один из этапов нашей любви.

Но одна вещь не давала мне покоя: шарф, который лежал у меня в кармане, пахнувший цветами. Я вытащила его и понюхала.

И на секунду мне показалось, что я чувствую запах его измены.

А потом я увидела в шарфе этикетку. Я перевернула её и прочитала: «Сделано в Китае. 100% полиэстер. Стирать при 30 градусах».

Шарф был из Китая. Дешёвый. Из полиэстера.

— Боже, — сказала я вслух. — Я готова разрушить семью из-за дешёвого шарфа из Китая. Я готова развестись из-за полиэстера.

Я засмеялась. Громко. Истерически. Так, что проснулся Миша и начал плакать.

Я пошла успокаивать его, держа в руках шарф, который пах духами.

— Кира, — сказала я себе, — ты дура. Ты — дура. Ты просто ревнуешь. Ты устала. Ты хочешь любви. И это нормально.

Но завтра я всё выясню.

Глава 4. 27 звонков, или Как я похоронила мужа заживо

День начался с того, что Антон поцеловал меня в лоб и сказал:

— Кирюш, сегодня сложный случай. Попугай ара с опухолью. Операция часов на пять. Я буду без связи, в операционной экранирование. Если не отвечу — не обижайся.

— Какой попугай? — спросила я сонно.

— Ара. Красный. Огромный. Ему нужна срочная операция.

— А где носорог? — не удержалась я.

— Носорог уже здоров, — улыбнулся Антон. — Спасибо, что спросила.

Он ушёл. Я осталась одна с тремя детьми и чувством, что меня снова бросили. Я смотрела, как закрывается дверь, и думала: "Пять часов. Пять часов без связи. Пять часов — это триста минут. Или восемнадцать тысяч секунд. Или..."

Я посчитала в уме и сбилась. Математика — это не мой конёк. Мой конёк — это воображение. И вот оно-то работало на полную мощность.

"Экранирование, — думала я. — Связи нет. Ага. А если он просто хочет побыть с ней наедине? Если они договорились, что он скажет про "связь" и "экранирование", чтобы я

не звонила, а сами будут..."

Я представила картинку: Антон и Алина в подсобке. Он в белом халате, она в белом халате. Они стоят близко-близко. Он держит её за руку. Она смотрит на него с обожанием.

— Они держатся за руки, — прошептала я в подушку. — Как на рисунке Лизы.

Я села на кровати и решила действовать. Я не буду сидеть сложа руки. Я буду звонить. Буду писать. Буду требовать ответа. Даже если у них там экранирование, они же могут выйти на минуту? Могут. Я знаю, что могут.

Я одела детей, накормила, усадила перед мультиками и взяла телефон. Первый звонок.

— Абонент недоступен, — сказал робот.

Я набрала снова.

— Абонент недоступен.

Ещё раз.

— Абонент...

Я сбросила. Он отключил телефон. Или у него действительно нет связи. Или он отключил, потому что не хочет со мной разговаривать. Или, потому что он с ней.

— С ней, — повторила я вслух.

Я снова набрала. Десятый раз. Двадцатый. Я считала: один, два, три... Я, как заведённая, нажимала кнопку вызова. Робот отвечал одно и то же.

— Мам, — сказала Лиза, — почему ты такая злая?

— Я не злая, — ответила я сквозь зубы. — Я просто... я

просто хочу поговорить с папой.

— А он где?

— Он на работе. Он... спасает попугая.

— Попугая? — удивилась Лиза. — А носорог уже не болеет?

— Носорог выздоровел. Теперь попугай.

— А у попугая есть сердце?

Я посмотрела на неё. Она сидела с тем самым жуком, который, кажется, начал разлагаться. Я решила, что пора его выбросить, но Лиза не разрешала.

— Есть, — сказала я. — Маленькое. Но оно есть.

— А папа его вылечит?

— Папа вылечит всех, — снова сказала я эту фразу. И снова она прозвучала неискренне.

Я снова набрала номер. Двадцать первый раз.

— Абонент недоступен.

— Антон, — прошептала я, — пожалуйста, возьми трубку. Я просто хочу услышать твой голос.

Тишина.

— Ты же не с ней, да? — спросила я у телефона. — Ты же просто спасаешь попугая? Ну пожалуйста, скажи, что ты просто спасаешь попугая.

Телефон молчал.

Я начала ходить по комнате. Матвей смотрел мультики, Миша ползал по полу, Лиза рисовала. А я ходила и накручивала себя. Я представляла, как Антон и Алина стоят в под-

собке. Она что-то ему говорит. Он смеётся. Потом они обнимаются.

— Стоп, — сказала я себе. — Кира, остановись. Ты с ума сошла.

Но я не могла остановиться. Я снова набрала его номер. Двадцать второй.

— Абонент недоступен.

— Ну и пожалуйста! — крикнула я в телефон. — Мне всё равно! Я сама справлюсь! Я всегда справляюсь одна! Ты даже не представляешь, как я устала быть одна!

Миша заплакал от моего крика. Я подошла к нему, взяла на руки и начала укачивать. Он был тёплым, пах молоком и счастьем.

— Всё хорошо, — сказала я ему. — Мама просто злая. Мама устала.

Я укачала Мишу, положила в кроватку и снова взяла телефон. Двадцать третий звонок.

— Абонент недоступен.

Я записала голосовое сообщение.

— Антон, я тебя очень сильно люблю. Я просто хочу, чтобы ты знал. Если ты не отвечаешь, значит, ты занят. Я понимаю. Я всё понимаю. Я просто... я просто скучаю. Позвони, когда сможешь. Пожалуйста.

Я отправила сообщение и села на диван. В голове была пустота. И страх. Этот липкий, противный страх, который сжимает горло и не даёт дышать.

"Что, если он не вернётся? Что, если он уйдёт к ней? Что, если я останусь одна?"

Я снова набрала. Двадцать четвёртый.

— Абонент недоступен.

Я снова записала голосовое.

— Антон, я знаю, что ты с ней. Я всё знаю. Ты думаешь, что я ничего не вижу, но я вижу. Я вижу, как ты смотришь на неё. Я вижу, как она поправляет тебе маску. Я вижу, как вы улыбаетесь друг другу. Я вижу ваш шарф. Шарф! Я нашла его в твоей машине! Ты что, думал, я не замечу?

Я отправила сообщение и замерла. Боже. Что я только что сделала? Я обвинила его в измене. Без доказательств. Просто потому, что он не отвечает на звонки. Потому что я ревную. Потому что я боюсь.

— Идиотка, — сказала я себе. — Ты — идиотка.

Я снова набрала номер. Двадцать пятый. Робот ответил, что абонент недоступен. Я хотела удалить голосовое, но не могла. Оно уже отправилось.

"Он его услышит, — думала я. — Он придёт домой и скажет: «Кира, ты с ума сошла?». И он будет прав. Я действительно сошла с ума".

В этот момент зазвонил мой телефон. Я посмотрела на экран. Звонил Антон. Моё сердце остановилось, потом забилось с бешеной скоростью.

— Алло? — сказала я дрожащим голосом.

— Кируш, — услышала я его голос. Он был уставшим.

Очень уставшим. — Кирюш, я только что вышел из операционной. Что случилось? Ты оставила двадцать четыре сообщения. Или двадцать пять. Я сбился со счёта.

— Антон, — сказала я и начала плакать. — Антон, я такая дура. Я всё придумала. Я думала...

— Что ты думала?

— Я думала, что ты с ней. С Алиной. Я думала, что вы в подсобке. Я думала...

— Кира, — перебил он меня. — Ты серьёзно? У меня была операция. Пять часов. У попугая была опухоль, она выросла в трахею. Я едва вытащил его. Я устал так, что не могу стоять. А ты думала, что я в подсобке с Алиной?

— Я знаю, — сказала я. — Я знаю, что я идиотка. Я просто...

— Ты ревнуешь, — сказал он. — Ты всегда ревнуешь. Но сейчас, Кира, сейчас я не могу говорить. Я должен пойти в туалет и немного отдохнуть. Я позвоню тебе вечером. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я. — Прости меня. Пожалуйста.

— Я люблю тебя, — сказал он и сбросил вызов.

Я смотрела на телефон и плакала. Слезы текли по лицу, но я не вытирала их. Мне было стыдно. Я обвинила мужа в измене, потому что он работал. Потому что он спасал чью-то жизнь. Потому что он был хорошим врачом.

А я была плохой женой. Ревнивой, подозрительной, уставшей. Я разрушала нашу семью собственными руками.

— Мам, — сказала Лиза, подходя ко мне. — А почему ты плачешь?

— Потому что я глупая, — сказала я. — Очень глупая.

— Но ты хорошая, — сказала Лиза и обняла меня. — Ты самая хорошая мама.

Я обняла её в ответ. И в этот момент Миша проснулся и заплакал. Матвей начал стучать ложкой по тарелке. Обычный семейный хаос. Но в этот раз я ощущала его по-другому. Я ощущала его как напоминание о том, что у меня есть семья. Настоящая. Живая. И я не хочу её терять.

Я взяла Мишу на руки, усадила Матвея за стол, дала Лизе карандаши. И села на кухне, глядя в окно.

"Я должна измениться, — думала я. — Я должна перестать ревновать. Я должна научиться доверять ему. Иначе я потеряю его. Потеряю по-настоящему. Не потому, что он уйдёт к другой, а потому, что я вынужу его уйти своей паранойей".

Мой телефон снова завибрировал. Сообщение от Антона: «Кириш, прости, что не мог ответить. Операция была очень сложной. Попугай выжил, но будет долго восстанавливаться. Я так устал, что не чувствую ног. Но я думал о тебе весь день. Ты — моя главная опора. Я люблю тебя. Не переживай. Я приду домой и мы поговорим. Только ты и я».

Я прочитала сообщение и улыбнулась. Несмотря на усталость, несмотря на слёзы, я улыбнулась. Он думал обо мне. Он говорил, что я — его опора. Это было важно.

Я написала в ответ:

«Прости меня за всё. Я больше не буду ревновать. Я обещаю. Ты — мой герой. Приходи скорее. Я буду ждать. Люблю тебя».

Я отправила сообщение и почувствовала облегчение. Как будто гора с плеч упала. Я поняла, что я не хочу больше быть той женщиной, которая разрушает семью из-за своих страхов. Я хочу быть той, которая её строит.

Я подошла к детям и посмотрела на них. Матвей рисовал что-то на листке, Лиза сидела с жуком, Миша ползал по полу. И я поняла, что вот оно — моё счастье. Оно здесь. Прямо сейчас. И я не должна его терять.

— Лиза, — сказала я, — давай выбросим жука. Он уже мёртвый.

— Нет! — запротестовала она. — Он мой друг!

— Хорошо, — сказала я. — Но тогда мы его закопаем. Как настоящего друга.

Мы взяли лопатку, вышли во двор и закопали майского жука под старой яблоней. Лиза прочитала стишок (он был длиной в две строки и в рифму не ложился), а я поставила маленький камешек вместо надгробия.

— Мам, — сказала Лиза, — а папа умеет оживлять жуков?

— Нет, — сказала я. — Папа умеет оживлять только тех, кого можно спасти. А жука уже не спасти.

— А жук попадёт на небо?

— Попадёт. Обязательно.

Мы вернулись домой, и я почувствовала себя лучше. Наверное, нужно было закопать жука раньше. Он был символом всего, что я держала в себе: страха, ревности, обиды. И теперь он ушёл.

Вечером пришёл Антон. Он был бледным, уставшим, но счастливым. Он снял куртку, подошёл ко мне и обнял.

— Кирюш, — сказал он, — я так рад тебя видеть.

— Я тоже рада, — сказала я. — Я так скучала.

— Ты плакала? — спросил он, глядя на мои покрасневшие глаза.

— Немного.

— Прости меня. Я не хотел, чтобы ты переживала.

— Это не твоя вина, — сказала я. — Это моя вина. Я слишком много думаю. Я слишком много выдумываю.

— Ты просто любишь меня, — сказал он. — И это самое главное.

Мы стояли в коридоре, обнявшись, и я чувствовала, как его руки обнимают меня. Тёплые, родные руки. Руки, которые спасли сегодня попугая. Руки, которые спасают каждый день чью-то жизнь.

— Антон, — сказала я, — я больше не буду ревновать. Я обещаю.

— Кирюш, — сказал он, — ты можешь ревновать. Но знай, что у меня есть только ты. Только ты и наши дети. Вы — моя жизнь.

— Я знаю, — сказала я. — Я просто иногда забываю об

этом.

— Тогда я буду напоминать тебе каждый день, — улыбнулся он.

И мы пошли на кухню пить чай. С детьми. С шумом. С гамом. С обычным семейным счастьем.

Я смотрела на них и думала о том, что я почти разрушила всё это. Из-за попугая. Из-за шарфа. Из-за своих страхов.

Но я не разрушила. Я спасла. И это было главное.

Я взяла телефон и посмотрела на количество звонков. Двадцать семь. Двадцать семь раз я звонила ему. Двадцать семь раз я переживала. Двадцать семь раз я теряла рассудок.

— Антон, — сказала я, — я звонила тебе двадцать семь раз.

— Я знаю, — улыбнулся он. — Я посчитал.

— Ты не злишься?

— Нет. Я люблю тебя. Даже когда ты звонишь двадцать семь раз.

Мы засмеялись. И я поняла, что это была самая смешная и самая глупая ссора в нашей жизни. Но она была нужна. Чтобы я вспомнила, кто я есть. Кто он есть. И что мы есть.

А попугай, кстати, выжил. Я видела его фото в Инстаграме. Он сидел на руке у Антона и смотрел на меня своими чёрными глазами. Как будто говорил: "Я выжил. И вы выживете. Всё будет хорошо".

И я верила в это.

Вечером, когда дети уснули, мы сидели на кухне и пили

вино. Первый раз за долгое время.

— Кирюш, — сказал Антон, — я хочу тебе кое-что сказать.

— Что? — спросила я.

— Я решил взять помощника. Ещё одного врача. Чтобы у меня было больше времени на семью.

— Правда?

— Правда. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя одинокой. Я хочу быть с тобой. С вами.

— Антон... — сказала я и снова заплакала.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И я не хочу тебя терять.

— И я не хочу тебя терять, — сказала я.

Мы обнялись. И я знала, что это — начало чего-то нового. Начало нашего нового этапа.

— Антон, — сказала я, — а ты правда думал обо мне весь день?

— Каждую минуту, — сказал он. — Даже когда у меня в руках был скальпель.

— И что ты думал?

— Я думал о том, как я хочу домой. К тебе. К детям. К нашему хаосу.

— Значит, хаос — это хорошо?

— Хаос — это жизнь, — сказал он. — И я люблю эту жизнь. Потому что в ней есть ты.

Мы выпили ещё по глотку вина и пошли спать. Но перед тем, как уснуть, я взяла телефон и удалила все свои голосо-

вые сообщения.

Я повернулась к Антону, обняла его и закрыла глаза.

И я уснула. Без страха. Без ревности. Только с любовью.

Глава 5. Подруги советуют, или Как Галка чуть не разрушила мою семью

Галка пришла ровно в три часа дня. Я знала, что она придёт, потому что она всегда приходит в три часа дня в пятницу. Это был наш ритуал: чай, печеньки, обсуждение мужей. Только в этот раз ритуал обещал быть особенно жарким.

Галка была моей подругой ещё со времён учебы в институте физкультуры. Мы учились на фитнес-тренеров вместе, потом вместе выходили замуж, вместе рожали детей (она родила на два месяца п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.